

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 35

1 октября 1944 года

№ 35

428 СОДЕРЖАНИЕ:

Приказ
Казачьим Войскам № 15

★

Войсковой Казачий Праздник
— П. Н. Краснов

★

Яков Петрович Бакланов (про-
должение «Исторических
очерков Дона») — П. Н. Крас-
нов

★

Мы вернемся — стихотворение
К. Мартынова

★

Донская весна — Б. Полозов

★

Воркутская трагедия (оконча-
ние) — Л. Агронов

★

Богатырская сказка-быль (про-
должение) — Есаул Вениа-
мин Поночёрный

★

Розыски

С Войсковым Праздником!

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Приказ казачьим войскам

17 сентября 1944 г.

№ 15

г. Берлин

§ 1.

Для полного объединения и дружеской общей работы всех казачьих войск предписываю с нынешнего 1944-го года Войсковым Праздником во всех Казачьих войсках считать день **Покрова Пресвятыя Богородицы, 1 (14) октября.**

По возвращении в родные войска, на своей земле приказ этот пересмотреть и обсудить на Войсковых кругах и в Раде на предмет согласования его с войсковыми обычаями и заветами предков.

§ 2.

Поздравляю всех казаков и казачек с Войсковым праздником!

Мы встречаем в этом году наш праздник в тяжелых и трудных обстоятельствах шестого года длящейся упорной и жестокой войны. Нас ожидает слава победы и доблесть исполненного долга перед родными войсками и принявшей нас, как союзников, Германии. Из «Особого приказа Первой Казачьей дивизии» генерал-лейтенанта фон Паннвица мы узнаем о признательности казакам Фюрера Германского народа, Адольфа Гитлера, за нашу верность, настойчивость и жертвы, принесенные каждым из нас.

Первая Казачья дивизия генерал-лейтенанта фон Паннвица избрана Фюрером сборным местом всех казаков.

Все казаки должны соединиться вместе и составить один казачий корпус. По приказу Фюрера он пойдет освобождать наши родные края. Упорные бои перед нами. Мы будем в них не одиноки. Плечо к плечу с нами пойдут сотни тысяч других бойцов. Они так же, как и мы, пойдут освобождать свои родные дома.

Все казаки мобилизуются и собираются в особый казачий резерв, начальником которого назначен Кубанского Казачьего войска генерал-лейтенант Шкуро.

Бить врага нужно не растопыренными пальцами, но крепко сжатым могучим кулаком. Разбросанным повсюду казачьим частям и одиночным казакам предписываю собраться к резерву генерала Шкуро.

Казаки всех войск и те иногородние, кто жил на наших землях, кто ушел с них с нами, чтобы сражаться за свободу родных краев и их союзников, где бы они ни находились: в лагерях ли военно-пленных, в рабочих ли лагерях вместе с другими рабочими, на службе на заводах или в отдельных малых частях и командах охраны, в полицейских командах или при штабах отдельных германских частей — через своих комендантов и начальников обязываются заявлять о их священной обязанности исполнить призыв Фюрера, переданный через Начальника 1-й Казачьей дивизии генерал-лейтенанта фон Паннвица и через Начальника казачьего резерва генерал-лейтенанта Шкуро и мой приказ и требовать через мест-

ные учреждения частей // отправления. Казаков собирать по войскам в маршевые сотни и отправлять при офицерах в распоряжение генерала Шкуро.

Приказ этот не касается частей Походного Атамана полковника Доманова, которые имеют особое назначение очистить от партизан и бандитов временную казачью землю для поселения на ней казачьих семей и для охраны их на этой земле.

Казаки, вы можете спокойно идти в поход, зная, что за мощною охраной старых, испытанных в походе и боях полков Походного Атамана, семьи ваши защищены, дети воспитываются, и обучаются, они будут такими же казаками, как и вы, и станут достойною вас сменой.

Я зову вас словами призыва Генерал-Лейтенанта Шкуро: — «**До зброи! К оружию!**».

Запомните заключительные слова «Особого приказа» генерал-лейтенанта фон Паннвица:

«...Дорогие мои казаки! Вы знаете, что вся моя любовь принадлежит вам. Вы всегда были предметом моих мыслей, чувств и действий. Покажите же теперь, что и ваши мысли, чувства и действия принадлежат Фюреру. Только таким образом вы станете на путь, который ведет к светлому будущему.

Вперед, в бой за освобождение нашей Родины! Да здравствует Фюрер!».

Я уверен, что ни один казак, в ком бьется подлинное казачье сердце, не уклонится от призывов, не уклонится от моего приказа.

Я — старый казак, участник трех войн, раненый, отдавший всю долгую жизнь казакам и частями Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского и Енисейского войск ковавший славу казачью в войнах Японской, Великой и Противобольшевистской, зову вас всех, родных и близких мне казаков и уроженцев казачьих областей, Ставропольской и Черноморской губернии, в ком течет та же казачья кровь и кто шел с казаками в бой против большевиков — с великим душевным подъемом, с жадной подвигом и победы, с искренним желанием и готовностью все отдать за свободу родных краев, за Новую Европу без жидов и большевиков, стать в ряды нашего Казачьего Освободительного Корпуса.

Да здравствует Фюрер Адольф Гитлер, наш Вождь!

Да поможет нам в святом нашем деле Господь Бог и да покроет нас Своим Покровом Пресвятая Богородица, наша Защитница и Нерушимая Стена!

В добрый час!

Начальник Главного Управления Казачьих Войск, Генерал-от-кавалерии Краснов.

Начальник Штаба, Полковник Краснов.

Верно: Адъютант Главного Управления,

Войсковой старшина Моргунов.

Войсковой Казачий праздник

1 (14) октября — день Покрова Пресвятыя Богородицы — вечно памятный казачий день. Особенно памятен он у Донских казаков.

Столько славных событий произошло в хмурые осенние дни около этого дня.

23 октября 1579 года, на реке Иртыше Ермак Тимофеевич нанес страшное поражение татарам. Началось завоевание Сибири.

27 сентября 1641 г. случилось чудо спасения Донского войска, вышедшего из Азова для последнего смертного боя с турками и нашедшего турок в полном отступлении.

4 октября 1813 г. — славная атака Лейб-казачков под Лейпцигом решила сражение и положила начало падению славы Наполеона.

Со времен стародавних связали Донцы судьбы свои с Богородичным днем Покрова. Назвали они свое войско, свою землю — «домом Пресвятыя Богородицы».

Ко дню Покрова собиралось все великое Войско Донское на Круг. На нем подсчитывались итоги совершенных за лето набегов, поисков и военных походов. На нем избирали атаманов Войскового и Походного. Составляли планы, как провести холодную степную зиму; кому и куда направить новые поиски, набег и походы за славою и за добычью.

День Покрова — суровый праздник казачий. В этот день сугубо пламенны молитвы казачьи перед иконой Пречистой.

Точно вижу Ее, нашу Заступницу и Покровительницу — Аксайскую Божию Матерь.

Небольшой, квадратный образ. Темный, суровый Лик. В добольшевистское время в каждом станичном соборе, в правом приделе, в богатом, деревянном ли киоте, или киоте из полновесного серебра, под стеклом, стояла Аксайская Божия Матерь. Вся в жемчугах...

Жемчуг — слезы. Слезы казачек. Если тяжела доля война-казака — доля казачки еще тяжелее. У мужа, у сына, у отца, у брата — тяжесть походов, опасность боев, страдания от ранений — но и какая радость, ни с чем несравнимая радость победы!... Какая легкая смерть в сознании свято исполненного долга!...

У казачки — тяжелый, непрерывный труд сохранить курень ушедшего в поход; воспитать его детей. Сделать их казаками.

В страшные годы большевистской тьмы, в разоренном курене, у нетопленной печи, шепчет голодная казачка на ухо мальчику сыну:

— Люби тихий Дон!... Не забывай Бога и Родины!

— Люби нашу родную Кубань. Молись за своего отца! Он далеко от нас!

— Дорожи именем Терского казака! Помодимся за убитого «ими» твоего отца!...

Льется тихая речь. Воспоминания того, что было... Рассказ матери о том, что такое казак. И все

шопотом. Разве можно такое говорить в царстве сатаны и жидов? Не услышал бы кто!... Не донез бы!... Услышат, узнают, что казак — замучат, застрелят... Лютою смертью казнят...

Исход с родных могил в лютую зиму 1943 года. Поход жен и детей, ушедших в скитания за своими казаками. Колонны скрипучих арб и телег по снежным сугробам. Пурги; заносы; снеговые сугробы. Плач детей. Мычание голодного скота. Истощенные лошади. Не дни, но долгие месяцы. Поиски земли, где преклонить голову, где вздохнуть свободно и сесть за труд... И ни слова ропота. Тихая покорность судьбе. Вера в спасение...

В старые годы, когда истаевали казачки в слезах по ушедшему мужу или сыну — обращались их слезы в жемчуг и украшали они ризы Пречистой Аксайской или Донской Божией Матери.

Тот жемчуг — слезы, вековые казачьи слезы содрал с икон под дьявольский смех жидов красноармеец большевик и наполнил им свои карманы.

В теперешних лишениях уже не плачет казачка — слез нет — слишком велико ее горе. Сурово сдвинув брови, затаив злобу и месть, она готовит с сынами своими победу. Поплачет потом... У себя, на развалинах отцовского куреня... Дома... Тогда, воздвигая храм славы казачьей, придет она и украсит икону Пречистой слезами-жемчугами краше прежнего...

Но те тихие слезы будут не рыданиями горя, но слезами радости возвращения.

Наш нынешний праздник войсковой, родные казаки, мы отпразднуем по казачьему. Общим сполохом! Общим сбором в поход для великой и славной победы. Помянем дела и подвиги Ермака Тимофеева, подвиги славных Азовских сидельцев, подвиги Лейб-казачков Донцов и Черноморцев под Лейпцигом и, памятуя о них, добудем нашу полную и окончательную победу.

Начальник Первой Казачьей дивизии, генерал-лейтенант фон Панивиц привез нам из Ставки Вождя Германского народа — «признательность Фюрера за верность, настойчивость и за жертвы, принесенные каждым казаком. Жертвы нужные для того дня, когда наши победоносные знамена снова будут развеваться над казачьей землей»...

Нынешний наш общий войсковой праздник примем, как начало великого похода на восток, как обетование славной победы, счастливого возвращения для бодрых трудов создания свободных наших войск в союзе с Великой Германией.

«Трубит труба, сзывает, торопит в бой бойца!»...

С праздником поздравляет вас всех, ваш старший казак, горячо, как детей своих, любящий

Петр Краснов,

Казак Каргинской станицы, Всевеликого
Войска Донского.

1 (14) октября 1944 г.
г. Берлин.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение*)

Яков Петрович Бакланов

XLVII

Яков Бакланов. Детские годы. Станичное ученье. Заветы отца. Первая служба на Кавказе. Командование 20-м Донским казачьим полком. Обучение и воспитание полка. Учебная сотня. Ракетная команда. Занятия с офицерами.

Яков Петрович Бакланов родился 15 марта 1809 года в Гугнинской станице. Его отец был простой неграмотный казак, расторопностью, лихостью, смелостью в походах и войнах заслуживший чин хорунжего. Отцу некогда было заниматься с сыном. Наступал 1812 год и Петр Бакланов ушел с полком выгонять французов из России. Мальчик рос, как росли в станице все казачьи дети: играл со сверстниками на улице, скакал в табуны на казачьих конях, слушал рассказы стариков о прежних войнах. Когда Якову минуло пять лет, бабушка отдала его в науку старухе Кудимовне. Чему могла научить его Кудимовна, сама полуграмотная? Протвердила с мальчиком «азы», научила славянским и русским буквами и кое как читать по складам. Тогда передали Якова приходскому пономарю, а потом станичному дьячку. Мальчик изучил псалтырь и часослов. Дальше не пришлось учиться.

В 1815 году отец Якова вернулся домой из заграничного похода, пробыл некоторое время дома и снова ушел с полком на Бессарабский рубеж. Оттуда надвигалась на Россию чума. В ту пору отец Бакланова командовал сотней. Он взял с собою в поход Якова: пусть учится дальше грамоте у полковых писарей.

Верхом на соти верст. Ночлеги в поле у костра. Казачьи песни; рассказы бывалых казаков про Наполеона, про Бородинское сражение, про пожар Москвы, про лютые морозы; про чистенькие немецкие города; про Париж-город. Заслушается их Яков и все позабудет. Смотрел Яков, как старые казаки учат молодых рубке и сам возьмется за тяжелый отцовский палаш. Какое тут было ученье? Мальчик в походе рос богатырем, становился лихим наездником, «джигитом». Он умел вертеть молодецки пикой, а стрелять, как никто в полку не умел стрелять — без промаха! Так и прошло детство в суровом казачьем походе и в службе на постах. Подходила юность. Отец принял сотню в казачьем полку Попова и устроил своего шестнадцатилетнего сына в полку урядником.

Благословляя на действительную службу отец напутствовал Якова совсем теми же словами, какими когда то напутствовал Иван Платов своего потом столь знаменитого сына Матвея.

— Храни, — сказал он, — ненарушимо простоту отцовских обычаев, будь строг к себе, а больше всего — не забывай свою благодатную родину, наш Тихий Дон, который вскормил, выдоял и воспитал тебя.

Какой казак отец не говорил и не говорит и теперь таких слов сыну, провожая его в полк?

Так шестнадцатилетним юношей начал свою боевую службу Яков Петрович Бакланов в Крыму. Потом был поход в Турцию, где под Баклановым в атаке на турецкую конницу была убита лошадь. В 1834 году с донским казачьим Жирова полком 25-летний Бакланов попал на Кубань, в Кавказские войска под команду генерала Засса. Начальник был строгий, но справедливый. Он скоро оценил молодого сотника и, бывало, поручал ему под команду до двух тысяч казаков. Вспоминая свои первые годы службы и боев на Кавказе Бакланов говорил:

— Спасибо Зессу и горцам — они научили меня многому.

Отслужив свой «термин» на Кавказе, в 1837 году Бакланов был спущен на Дон и в 1839 году был отправлен в Новочеркасск в учебный полк, собранный атаманом Власовым для изучения новых казачьих уставов.

Громадного роста, могущественного сложения сотник зашел за учебническую «парту» и с редким приложением принялся за учение. Но помимо занятий в полку Бакланов много читал. Он доставал все, что мог достать в Новочеркасске из военной истории и, читая описания сражений, сравнивал написанное со своим боевым опытом. Он изучал артиллерию и все военные науки. Много продумал, обо

многом погоревал Бакланов в эти годы. Он вспомнил, как на Кавказе донцов с их длинными пиками, путавшимися в лесах, горцы презрительно называли «камыш», как линейцев предпочитали донцам и смотрели на донских казаков, как на второстепенное войско, годное только для посыльной службы, да деньщиками у офицеров и чиновников. С болью в сердце говорил он сам себе:

— Нет. Этого не будет! Не будет этого больше!..

Тридцати шести лет от роду, в 1845 году, в чине войскового старшины Бакланов был назначен в № 20 казачий полк на Кавказ и в 1846 году принял этот полк на законном основании.

Бакланов — полковник — командир полка. Жажда творчества охватывает его. Все то, что он знал, все, чему научился, что вынес из книг, что видел и пережил, что не раз заставило его краснеть за казаков, когда слышал он пренебрежительные отзывы о донских казаках — все припомнил он и с несокрушимой силой воли и железным терпением начал выправлять полк и учить по своему.

Прежде всего — он собрал свой полк. Он вытребовал из всех линейных станичных правлений, от чиновников и штабных офицеров казаков своего полка. Дести бумаги нужно было исписать, много неприятных слов услышать, чтобы получить из Баклановского № 20 полка хотя одного казака вестовым или ординарцем.

Он переделал свой полк. Не годились для Кавказской войны с горцами короткие куртки и шаравары с лампасами, кожаные кивера ведрами. Он приказал с убитых татар и чеченцев снимать их черкески, отбирать их прекрасные легкие и острые шашки и кинжалы и местные нарезные ружья: 20-ый полк оделся, как чеченцы.

Он привел в порядок конский состав. За одну украденную у коня овсинку Бакланов мог запороть казака — и казаки то знали. Сытым донским коням скоро не страшны стали легкие горские кони.

Бакланов обучил свой полк. В ту пору, когда не знали никаких занятий с офицерами, Бакланов устроил вечерние беседы со своими офицерами. Как часто он повторял на них:

— О храбрости казака заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрым, но надо, чтобы казак наш смыслил что нибудь и побольше одной только храбрости.

В ту пору, когда нигде не было учебных команд для подготовки унтер-офицеров, Бакланов собрал в полку особую седьмую учебную сотню. В ней под личным наблюдением он готовил урядников на весь полк.

В каждой сотне один взвод был снабжен шанцевым инструментом и обучен саперному и подрывному делу.

При полку была собрана пластунская команда, составленная из лучших казаков и употреблявшаяся на самые опасные разведки.

По личному опыту зная, как действует на горцев артиллерийский огонь, Бакланов создал при своем полку ракетную команду, снабдил ее особыми ракетами, имевшими на конце снаряды, начиненные порохом и пулями — прообраз шрапнели. Эта ракетная команда у Бакланова работала лучше конно-горных батарей. Она проходила везде: через дремучие, густые леса, через горные пропасти и крутые горные перевалы.

Все казаки полка были обучены разведывательной службе, саперному и артиллерийскому делу.

Праздники и пьянства в полку Бакланов не терпел. Занятия в его полку шли целыми днями. Бакланов говорил казакам:

— Ты в новой горной стране. Запутаться тут легко, а запутляешься — погибнешь. Все заметь, ничего не моги проглядеть, да так заметь, чтобы и ночью прошел бы без ошибки, а тебя, чтобы никто не видал.

У Бакланова никто не мог покинуть в бою строя. Легко раненные должны были оставаться во фронте. Кто потерял коня должен был биться пешим, пока не добывал себе лошади.

— Покажи врагам, — говорил Бакланов, — что думка твоя не о жизни, а о славе и чести донского казачества.

Так сто лет тому назад, на Кавказе, донским казаком Яковом Петровичем Баклановым было создано в его полку все

* См. № 34 «На Казачьем Посту».

то, что только много позже, в конце XIX века, постепенно и осторожно начали создавать в Русской армии.

XLVIII

Бакланов и горцы. Несокрушимая вера казаков в Бакланова. Заботы Бакланова о казаках. Набег за реку Мичик за баранами. Знание Баклановым местности. 17-ый Донской казачий полк. Песня о Бакланове.

Яков Петрович Бакланов хорошо знал казачью душу, казачье «нутро»; не хуже изучил он и чеченскую и черкесскую природу и знал как и чем привлечь к себе и тех и других. Бакланов знал, что горцы зовут его «Боклю», считают его чуть ли не самим дьяволом, зовут «Даджал» — дьявол, за его всегдашнюю удачу, за его несокрушимую храбрость да, пожалуй, и за внешний вид, так не похожий на горцев. Огромного роста, могучего сложения, с лицом, накрытым осянью, с большим широким носом, с густыми, нависшими на глаза бровями, с глазами, мечущими молнии, все видящими, все примечаящими, пронзывающими собеседника, с толстыми губами, с большими усами и темными, развевающимися по ветру бакенбардами был Бакланов своеобразно, величественно красив перед полком. Красив и грозен.

Он не чуждался горцев и умел привлечь к себе сердца многих из них, не только за деньги пошедших служить ему, как лазутчики. Лучшими из них были татары: Али-бей и Ибрагим.

Как то, в один из дней редкого затишья, очередной казак пришел к Бакланову с докладом:

— Там, ваше высокоблагородие, к вам черкесы какне то пришли, вас желают видеть.

— Чего им еще надо?

— Так что, — начал казак и засмеялся. — Ибрагимка с ним гутарил... Смешно и сказать... С аула их прислали удостовериться точно-ли вы «даджал»...

— То-есть чорт?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— А ты сам, как думаешь?

— Чего спрашиваете, ваше высокоблагородие.

— Вот, ей Богу, чудные! Ну, проси их. Да проведешь ко мне а сам выйди.

Бакланов засунул руку в печь и сажет вымазал себе лицо. Черкесы вошли в хату, стали у дверей и робко жалась друг к другу.

Бакланов молча сидел на печи и дико поводил глазами, выворачивая их. Потом он поднялся и медленно, едва переступая ногами и щелкая зубами, стал приближаться к гостям. Те с криком: «Даджал! даджал!» бросились из комнаты.

Не только черкесы и чеченцы, но казаки и солдаты верили, что «сам» то-есть дьявол ему помогает. Отсюда и звали они иногда Бакланова «Асмодем», влагая в это, им туманное, слово нечто особое, нечеловеческое. Как было им не думать так? Бакланов кидался в самую сечу боя, рубился один против нескольких, стоял во весь рост под пулями — и оставался невредим. Раны сами заживали на нем. И шла между казаков и солдат молва: «нашего Якова Петровича можно убить только серебряной, заговоренной пулей. С «самом» знается.

5 декабря 1848 года в Куринском укреплении, где стояли Тенгинский пехотный и 20 казачий полки пробили тревогу. Горцы напали на батальон Тенгинского полка, занимавшийся в лесу рубкою дров.

Дело было пустое. Как только Баклановские сотни вскочили в лес чеченцы бросились на утёк. Началась погоня. Один казак, занесенный лошадей, был схвачен чеченцами, да двое свалились, простреленные пулями. Бакланов вдруг пошатнулся на коне и выпустил поводья. Казаки-ординарцы

хотели его подхватить, но Бакланов перехватил поводья в правую руку, бешено крикнул: «вперед!» и помчался через лес в догонку за сотнями. Пуля перебила ему ключицу. Кровь проступила через рукав желтой черкески и окрасила ее. Превозмогая страшную боль — левая рука безжизненно, как плеть висела у него, — Бакланов продолжал руководить преследованием и боем. Только тогда, когда все было кончено и казаки сняли с убитых горцев оружие, Бакланов слез с коня и прилег на бурку. Казак платком перевязал ему рану.

Верхом на куртинском своем жеребце во главе полка Бакланов вернулся в Куртинское. Посланные им в горы казаки привели к нему искусного горца — «хакима» — (врача).

Вечером, в казарме-бараке, казаки говорили о происшедшем.

— Как же это могло случиться, — спрашивал молодой казак, — что наш получил такую сильную рану? Ить он, гутарил, у нас заговоренный...

— Э! друг, — сказал старый казак, — бывает! С самим чего нибудь да не поладил... Вот он его и подвел.

— Да ему ить это нисколько и не больно, — вступил в разговор урядник, — потому сила ему дана от Бога страшная.

Замолчали... Храбрость, выносливость и терпение на боль были у Бакланова так велики, что казаки не верили, что обыкновенный человек мог все это выносить.

Несмотря на жестокую боль в несросшейся ключице Бакланов через четыре дня был опять на коне и руководил порученными ему войсками. Он был в это время начальником подвижного резерва в Куринском укреплении.

В марте 1849 года Бакланов, как только выпадал свободный денек, стал пропадать из своей квартиры. Возмет с собой двух, трех пластунов, сядет на коня да света и уедет. Вернется к ночи. Спрашивать пластунов, куда и зачем ездит командир был бы напрасный труд. Они были немые, как рыба.

Приближалась Пасха. Вахмистры пришли к Бакланову с докладом.

— Ваше высокоблагородие — ить вот она и Пасха... Людям разговеться будет нечем. Все бараны поедены.

— Экие прорвы станичники, — сказал Бакланов, — да ведь баранов то этих, почитай, было до тысячи! Ужли же так таки и поели?

— Поели, ваше высокоблагородие.

— Ну, надо новых купить. Деньги есть.

— Купить ваше высокоблагородие, так что никак невозможно. На линии не продают. Самим надо разговеться. А соседи, Мичиковцы, зная наши волчьи повадки, так их запрятали, что и нашими цепями руками их не добыть.

— Ну, надо добыть. Ступайте себе с Богом.

Вахмистры ушли. Бакланов лег на лежанку и закутался в бурку. Через Баклановского драбанта (деньщика) казаки знали, что, если Бакланов заляжет днем на печь, — значит, задумал какой-нибудь набег.

На другой день вахмистры заглянули в хату командира полка; осторожно вызвали драбанта.

— Что твой-то?

— Лежит.

— Лежит. Ну, значит, быть делу. О нас чего-б то думает.

Доложили сотенным командирам и те приказали до вечера выкормить лошадей, пораньше поужинать и быть готовыми к выступлению. И — не ошиблись. К вечеру очередные разнесли по сотням командирский приказ: «к восьми часам вечера трем сотням построиться на Грезель-аульской дороге».

В сумерке мартовского вечера чуть заметили казаки Бакланова, как подехал он, закутанный в бурку, молча обехал сотни, снял папаху, перекрестился и знаком показал, чтобы сотни следовали за ним. Ни одна трубка не курилась в рядах, ни одно стремя не звякнуло о другое, не было слышно разговора. Точно крались в ночной тишине, неслышно сту-

зия по мягкой дороге, казачьи смышленные кони. Все поникали — нужна тайна.

Спустились в долину, перешли через речку Яман-Су и вошли в горное ущелье. Ночь была темна, как могила; поднялся ветер и закрутил снежною метелью. Не стало видно ушей лошади. Бакланов на крупном сером Куртинском жеребце ехал впереди отряда. Вдруг он остановился. Казаки направились на него.

— Проводник! — крикнул Бакланов.

Татарин, ехавший несколько впереди Бакланова повернул лошадь и подехал к командиру полка.

— Не по той дороге ведешь, негодяй!

Родившийся в этих горах проводник, татарин, испытанной честности, стал клясться Аллахом, что ведет верно.

— Врешь! Меня не обманешь!

— По той дороге, полковник!.. Ты не можешь знать. Ты здесь никогда не был, а я здесь родился, — со слезами в голосе говорил обиженный татарин.

— А где сухое дерево, которое должно было быть вправо от дороги? Я его вот уже час, как ищу; ты видел, сколько раз я слезал с лошади и ложился на землю, чтобы лучше его заметить.

— Сухой дерев? — пролепетал растерявшийся проводник. — Точно тут должен быть сухой дерев.

— Пластуны! — крикнул Бакланов. — Ступайте искать сухое дерево.

Пластуны вернулись через пол-часа. Сухое дерево было найдено. Отряд сбился в снежной вьюге с дороги и шел по неверному пути. Повернули обратно и вышли на правильное направление. Вскоре отыскали каменные ограды овечьих кошар, где были упряты в горном глухом ущелье Мичиковские отары. Без выстрела сняли охранявших стада чеченцев и забрали баранов. Будет чем разговестись не только казакам, но и всему гарнизону.

Уже совсем расвело, когда сотни подезжали к Куринскому. Казаки говорили между собой.

— Как это наш знает все дороги, чисто уму непостижимо.

— Значит, уже так ему от Бога дано знать и те дороги, где он никогда и не был.

— С таким разве где пропадешь? — сказал старый урядник.

Бакланов же весь в думах и заботах о своем полке еще задолго до того времени, когда к нему приходили вахмистры уже искал, где добыть казакам баранов на Пасху. Целодневными осторожными поездками он разискивал, где Мичиковцы запрятали свои отары и, найдя, так изучил дорогу к ним, что и ночью в метель не обился и провел свои сотни.

В апреле 1850 года предстояла смена Донским полкам на Кавказской линии. Донской казачий полк № 20 должен был идти домой, на Дон; на смену ему шел Донской казачий полк № 17. Должен был уходить с 20-ым полком и его командир, полковник Бакланов. Но к этому времени слава Бакланова была так велика на Кавказе, его так ценили в кавказских войсках, что и пехоте и коннице казалось невозможным быть без лихого отличного боевого товарища, на кого можно положиться — без Якова Петровича Бакланова. Командующий войсками на Кавказе князь Воронцов просил Донского наказного атамана Хомутова и военного министра об оставлении Бакланова на Кавказе и назначении его командиром № 17 Донского казачьего полка. Назначение состоялось. С Баклановым по доброй воле осталось пять командиров сотен: Березовский, Банников, Поляков, Захаров и Балабин и полковой адъютант Одноглазков. Осталось и несколько казаков. С ними Бакланову было легче переучить и перевоспитать по своему вновь пришедший с Дона полк.

20-ый полк построился идти домой. Бакланов приехал проститься с казаками. Увешанные Георгиевскими крестами, железные богатыри его плакали от правого фланга до левого, как малые дети. Нахмурился грозный «Даджал». Он отвернулся, махнул рукой, чтобы ехали за ним и тронул жеребца к воротам Куринского укрепления. За ним пошел полк.

Завилась, понеслась по горам песня про Бакланова:

— Честь прадедов — атаманов,
Богатырь, боец лихой,
Здравствуй, храбрый наш Бакланов,
Разудалый наш герой!..
Славой, честью завидной
Ты сумел себя покрыть:
Про тебя, ей-ей, не стыдно
Песню громкую сложить.
Ты геройскими делами
Славу дедов и отцов
Воскресил опять меж нами,
Ты — казак из казаков!

Шашка, пика, верный конь,
Рой наездников любимый —
С ними ты, неотразимый,
Мчишься в воду и в огонь.

Древней славы Ермаковой
Над тобою блещет луч;
Ты, как сокол из-за туч,
Бьешь сноровкою Платовой.

Честь геройскую любя,
Мчишься в бой напропалую:
За Царя, за Русь святую
Не жалеешь сам себя.

Баюют: вольный по горам,
По кустам, тернам колючим
Лезешь змеем здесь и там,
Серым волком в поле рыщешь.

Бродишь лешим по горам,
И себе ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагам!
Ходишь в шапке невидимке.

В скороходах сапогах,
И летишь на бурке-сивке,
Как колдун на облаках.

Свиснешь — лист с дерев валится
Гаркнешь — вмиг перед тобой
Рать удалая рэдится —
Точно в сказочке какой.

Спишь на конском арчаке, —
Сыт железной просфорой,
И за то прослыл грозой
В Малой и Большой Чечне.

И за то тебе мы, воин,
Песню громкую споем:
Ты герой наш! Ты достоин
Называться казаком!

Бакланов проводил 20-ый полк до Карасицкого поста.
— Прощайте, родные, — говорил он, пропуская мимо себя сотню за сотней. — Не поминайте лихом.
— Счастливо оставаться!
— Счастливого пути!

Заскрипели арбяные колеса полкового обоза. Бакланов повернул жеребца и карьером помчался к Куринскому.

XLVIX

Дело на реке Мичике 8 августа 1850 года. Тайнственная посылка. «Гробовой» значен. Нападение чеченцев на Куринское укрепление. Поединок между Баклановым и чеченцем Джанемом.

Пришедшие с Дона казаки 17-го полка обступили старых казаков, оставшихся с Баклановым и спрашивали их, что за командир Бакланов?

— Командир такой, — рассказывали казаки, — что при нем и отца родного не надо. Если есть нужда — иди прямо к нему: — поможет и добрым словом, и советом, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалеет. Но на слу-ужбе!.. Тут, братцы мои, держите ухо востро. Вы не чеченцев бойте, а бойтесь своего «асмодея»: — шаг назад — в куски изрубит.

Летом 1850 года кавказские войска проводили новую линию и прорубали широкие просеки в лесах. На рубку леса ходила пехота — Кабардинский полк.

8 августа, когда назначенные на рубку на реке Мичике роты стали подходить к лесу — они были встречены ружейным огнем. Горцы заняли лес. Послали за орудиями. 5-ая рота Кабардинского полка спустилась в овраг с криком ура! Кинулась в атаку. Ее встретил меткий огонь чеченцев. Стали падать убитые и раненые. На поддержку 5-й роте побежали две роты из резерва. Начался жестокий рукопашный бой в лесной чаще. Уже девяносто человек было убитыми и ранеными. Чеченцы начали окружать пехоту.

Бакланов в это время находился на левом фланге, где расставлял цепь. К нему на взмыленной, тяжело поводящей боками лошади прискакал офицер кабардинского полка.

— Полковник!, — сказал он, — спасайте Кабардинцев. Нас рубят. Весь правый фланг в чрезвычайной опасности.

Распрашивать было некогда, да и не зачем. Бакланов понял: — нужна была немедленная выручка и помощь. Он схватил ракетную команду и во весь опор помчался с нею на место боя. Казаки по страшной круче скатились в глубокую пропасть и стали устанавливать ракетные станки. Толпа чеченцев с поднятыми над головами шапками, с диким криком и визгом неслась на них через кусты и заросли.

Молодые казаки смешались. Пошатнулись они — и вся ракетная команда досталась бы чеченцам. Бакланов прыгнул с коня, выхватил из рук оторопевшего урядника ракету и положил ее на станок. Пример командира ободрял казаков. Раздалась команда: — «батарея пли!» Восемнадцать огненных змей с шумом и треском влетели в грозную толпу чеченцев. Они дрогнули. В тот же миг в овраг прискакали 2 сотни 17-го полка. Лес был настолько густ, что драться в конном строю было нельзя. Донцы побросали коней и пешком с пиками в руках кинулись на чеченцев. Те отступили... Кабардинцы были спасены. Чеченцы ускакали в горы. Рубка леса продолжалась.

В начале 1851 года в Куринское с прибывшей почтовой «казакией» из России Бакланову неизвестно от кого и откуда была доставлена посылка. Когда ее вскрыли, в ящике оказался черный полковой значек, на котором была вышита «адамова голова» (человеческий череп) с двумя перекрещенными костями под нею. Кругом была надпись: — «чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Знал, или не знал Бакланов, от кого и с чьими молитвами была послана эта посылка, но он тотчас же благоговейно ее принял и приказал навязать этот гробовой значек на пику и возить за собой вместо полкового значка. Когда впервые черный значек появился перед полком казаки были смущены его печальным видом, навевавшим мысли о смерти. Но скоро заметили казаки, что значек наводит ужас на чеченцев и полюбили его. Бакланов же не расставался с ним до конца жизни.

Одоеваемые со всех сторон Русскими войсками чеченцы решились на отчаянное предприятие. 15 августа, в день Успения Божией Матери была неистовая жара. Все притихло в Куринском и предалось ленивому после полуденному сну. Бакланов разделся до нага и лег отдохнуть в одних чувыках.

Вдруг на сторожевом посту раздался пушечный выстрел, зазвенели стекла в хате, и в горницу Бакланова вбежал растерянный вестовой.

— Чеченцы в предместьи! — крикнул он.

По всему местечку были слышны крики, скачка на лошадях и недалекие выстрелы. Бакланов спросонья, как был без одежды, бросился к двери, схватил свою шапку, надел на голое тело, накинул бурку и папаху и выбежал на двор. Очередной только что успел поседлать коня. Бакланов выехал на улицу. Две сотни 17-го полка строились по тревоге.

— За мной! — крикнул Бакланов и помчался в предместье.

Как только выскочили из за валов увидели до 800 чеченцев, спускавшихся с гор. Казаки замаялись. Бакланов выхватил пику из руки ближайшего казака, крикнул свирепым голосом: — «вперед!» и поскакал на чеченцев. Гробовой черный значек неся, развеваясь, за ним. Казаки ворвались в толпу чеченцев за своим командиром. Работая пикой, как сказочный богатырь, Бакланов валил вокруг себя чеченцев. Горцы дрогнули, не смогли оправиться и бежали. Казаки забрали пленных. Подавленные тем, что они видели и пережили пленные чеченцы говорили казакам:

— Такой страшный!.. такой страшный!.. На человека не похож!.. Даджал!..

— Ну, какой там дьявол, — возразил старый урядник. — Наш командир — то! Не слыхал что ли?.. Боклю!..

— Боклю. Слышал, слышал... Только, если и не даджал, так сродни ему.

Слава Бакланова и тот страх, который наводил он со своими донцами побудили предводителя священной войны против Русских — «газавата» — имама Шамиля принять необычную меру, чтобы уничтожить Бакланова, в ком видел Шамиль большую помеху своим действиям. В горах жил некто Джанем, знаменитый стрелок. На пятьдесят шагов он разбивал пулей подброшенное вверх яйцо. Он хвастал, что убьет Бакланова. Старики горцы, знавшие Бакланова, говорили Джанему:

— Смотри, Джанем, Боклю на полтора шага убивает муху. Если ты промахнешься, Боклю положит тебя на месте.

— Ничего не положит, — отвечал беспечно Джанем, — я только раз в жизни дал промах. Да тогда мне всего семь лет было. Совсем маленький был. Я на коране Шамилю поклялся, что убью Боклю. Ничего он меня не убьет.

Об этом услышал преданный Бакланову татарин лазутчик и пришел доложить. У Бакланова были гости — свои офицеры и офицеры пехотного полка, стоявшего в Куринском. Была маленькая пирушка. Просека на реке Мичике была закончена. На завтра предполагалось идти дальше заканчивать постройку батареи. Было около десяти часов вечера, когда Бакланову доложили, что к нему пришел лазутчик.

— Который? — спросил Бакланов.

— Али-бей.

— Проси сюда.

Татарин неслышными шагами прошел в горницу и рассказал все, что услышал про Джанема и про его клятву на коране.

— Он завтра на батарее за рекою Мичиком засядет и будет ждать тебя. Все Мичиковцы придут смотреть... Ты завтра не езди на курган!.. Не езди!

— Ну, ладно, — сказал Бакланов и щедро наградил татарина.

Али-бей низко поклонился Бакланову и, уходя, со слезами на глазах посмотрел на казачьего полковника и сказал проникновенно:

— Не езди! Тебе говорю — не езди!

Бакланов понял, что именно завтра ему нужно выехать и принять этот своеобразный поединок на глазах туземцев и своих.

На другой день утром, в обычное время, войска вышли из Куринского. Переправившись через реку Мичик Бакланов остановил колонну и в сопровождении одного ординарца, везшего его винтовку, поехал к батарее, за которой его должен был ожидать Джанем. Поднимаясь на пригорок, Бакланов принял ружье от ординарца и, оставив казака на скате, один выехал на батарею и стал вглядываться в кусты.

В ту же минуту сверкнул огонь и грянул выстрел. Джанем промахнулся второй раз в жизни. Пуля чуть задела полу-подшубку Бакланова. Чеченец поднялся до пояса, взглядываясь из облачка порохового дыма, и с ужасом увидел, что Бакланов, целый и невредимый сидит на коне. Чеченец прилег в кусты и стал заряжать вторично винтовку.

По его суетливым движениям Бакланов понял, что второй выстрел не может быть верным. Он вынул ногу из стремени, положил ее на шею лошади, оперся на нее локтем и взял ружье на изготовку.

Раздался выстрел. Джанем опять промахнулся. Как только он высунулся из кустов Бакланов опустил курок. Чеченец упал навзничь: — пуля попала ему между бровей и прошла через голову.

Чеченцы, из за горы следившие за поединком, вскочили на вал и, махая шапками, восторженно кричали:

— Якши Боклю!.. Молодец Боклю!..

Сзади гремело ура! русской пехоты и донских казаков 17-го полка.

Долго потом в Чечне, когда кто-нибудь станет хвастать своей стрельбой говорили:

— Не хочешь ли убить Боклю?

L

Производство Бакланова в генерал-майоры. Бакланов при осаде Карса. Назначение походным атаманом всех Кавказских казачьих полков. Польский мятеж 1863 года. Приказ Бакланова Донским полкам, посланным в Польшу. Смерть Бакланова 18 января 1873 года. Память о Бакланове на Дону и в России. Значение Бакланова.

После занятия Русскими войсками аула Гурдали, бывшего местом сосредоточения чеченцев, полковник Бакланов, уже Георгиевский кавалер, много способствовавший поражению чеченцев был произведен в генерал-майоры. Главнокомандующий Кавказскими войсками князь Воронцов прикомандировал Бакланова к штабу начальника Кавказского корпуса «для важнейших поручений». Бакланов сдал 17-ый полк войсковому старшине Полякову и прибыл в город Грозный. Здесь ему было поручено командование кавалерией левого фланга Кавказской армии. У Бакланова были под командой 4 Терских казачьих полка. До конца 1854 года Бакланов с ними производил непрерывные набеги и отбивал нападения на Русскую линию.

Война с Турцией была в полном разгаре. В Закавказье шли решительные бои. Наместником на Кавказ после князя Воронцова был назначен генерал-адъютант Н. Н. Муравьев. При проезде Н. Н. Муравьева на Кавказ генерал Бакланов был представлен ему. Н. Н. Муравьев хотел назначить Бакланова на Лезгинскую спокойную линию. Бакланов просился в Южную армию.

— Если я возьму вас в действующий корпус, останетесь ли вы на Кавказе? — спросил Н. Н. Муравьев.

— Останусь.

Бакланов был назначен начальником нерегулярной конницы Александропольского отряда. Под его команду вошли 2 донских казачьих полка, 2 линейных и 3 конно-мусульманских. Он был направлен в отряд генерала Ковалевского к крепости Ардагану. Крепость сдалась без боя.

Началась осада горной твердыни — крепости Карса. Сам главнокомандующий прибыл руководить осадой. Бакланову

было поручено поддерживать окружение северной части крепости.

По несколько раз ночью Бакланов, закутавшись в бурку, выходил из палатки, поверял часовых в лагере, прокрадывался к самым крепостным валам и высматривал за ними турок. Турки видели его и боялись грозного «Баклан-пашу». Свои видели его тоже и бодрствовали, чувствуя над собою недреманное око командира. Когда турки посылали отряды за скотом или фуражем — они всегда попадались в руки казаков, посланных вслед им Баклановым. «Баклан-паша» забирал пленных и перехватывал гонцов. Никто из русских не знал так точно, что делается в крепости, как знал Бакланов. Ночью, незадолго до намеченного приступа на крепость, Бакланов побывал у самых крепостных стен, подсчитал орудия и доложил Н. Н. Муравьеву, что еще не настало время для приступа. Нельзя ожидать удачи.

Приступ состоялся. Русские войска потеряли убитыми 4-х генералов, 248 офицеров и 7000 солдат. Они могли захватить лишь часть передовых укреплений Карса.

16 ноября 1855 года Карс сдался.

Генерал Бакланов уезжал на недолгое время на Дон и 2 февраля 1857 года вернулся на Кавказ, где был назначен Походным атаманом действующих на Кавказе казачьих полков. Назначение то не удовлетворило кипучую, жаждущую боев природу Бакланова. Тут приходилось иметь больше дела с бумагами, чем с живыми людьми.

— За этими делами, — говаривал Бакланов — можно и совсем забыть свое ремесло.

Он его не забывал. Неумолимо проверял он казачьи полки, улучшал быт казаков, учил, как вести войну с горцами, как ладить с ними и, как мирным путем завоевывать сердца этих простых и честных людей. Ни одна малая команда, ни один пост, где нибудь в горных кручах не был оставлен им без внимания и без сердечной беседы с казаками.

Годы, прежние ранения, кое как залеченные; непрерывная езда, то верхом, то в открытом тарантасе, ночлеги в горах под буркой у костра, на голых скалах сломили железное здоровье Бакланова. Он заболел. Врачи настаивали на необходимости отдыха. Бакланов был отпущен на Дон.

В 1863 году в Польше поднялось восстание. Бакланов был назначен начальником собранных в Виленском округе казачьих частей. В начале июля он прибыл в Вильно. С ним пришла в Польшу и его кавказская слава и нелепые слухи о нем, как о диком человеке чуть не воплощенном дьяволе. «Даджал» и тут был пущен в ход.

— Чего только обо мне ни говорили, — рассказывал Бакланов, — кем только меня ни называли. И гуни-то я, и питаюсь, будто, человеческим мясом, никому пощады не даю... Да к лучшему это было. Меня боялись; одного имени моего трепетали и, как это мне помогало! Нас была горсть, а враг был везде...

7 июля в Вильно генерал-лейтенант Бакланов отдал казачьим частям следующий приказ:

— «Станичники и односумы!»

«Я выехал из родного края 19 июня и привез вам от него поклон. Дон завещает вам бороться одному против десятирх и охулки на руки не класть! Дон дышет пламенной любовью и преданностью к царю нашему; он ждет с нетерпением воли монарха двинуться на внешнего врага, замышляющего нарушить спокойствие святой Руси. На вашу долю пал жребий быть впереди — против врага внутреннего. Вы потомки славных и могучих предков наших Азовского сидения. Молодечество ваше против мятежников радуется Царя, и донская семья ликует за вас.

«Братья, соберемся с силами, окрепнем духом и превозможем все трудности и лишения, и покажем, что достойны называть себя потомками Тихого Дона. Настанет время — я буду посреди вас в беседе боевой, введу вас в бой с заветным кличем Ермака: «с нами Бог!» силою коего булат наш остр — и не усташимся. Уверен в вас, что вы такие же чудо-богатыри, как были водимые мною в бой деды, отцы и старшие братья ваши!»

Генерал Н. Н. Муравьев, подавлявший восстание, назначил Бакланова начальником Августовского отдела. Под команду ему были даны: лейб-гвардии Казачий и лейб-гвардии Дра-

гунский полки и 22 роты гвардейской пехоты от полков Преображенского, Семеновского и Измайловского.

В сложной и трудной обстановке малой войны с повстанческими бандами Бакланов применил свой громадный опыт Кавказской войны. И тут и там обстановка была сходная. Вопреки приказа Н. Н. Муравьева, жестоко каравшего крестьян, принужденных повстанцами сдавать им продовольствие, Бакланов разрешил крестьянам давать повстанцам все, что те у них требуют, но обязал их сейчас же сообщать о появлении шаек и о том, куда они направились. Этим Бакланов привлек к себе польских крестьян, видевших в нем не насильника, но защитника от шаек и был всегда осведомлен о движении повстанцев. А там — хорошо поставленная разведка, искусное расположение резервов сделали то, что Августовский отдел был быстро очищен от повстанческих шаек и в нем наступила правильная и мирная жизнь.

До 1867 года Бакланов оставался в Польше, командуя Донскими казачьими полками в Виленском военном округе. В 1867 году за упразднением должности особого командующего казачьими полками в округе Бакланов был отчислен по Войску Донскому. Он поселился в Петербурге, где до самой смерти занимался чтением военной истории и изучением всего того нового, что делалось в военном деле и живо интересуясь судьбами Тихого Дона.

Зимой 1872 года Бакланов тяжело заболел и 18 января 1873 года не стало казака-богатыря. Проживающие в Петербурге донцы, кавказские военные историки Абаза и Потто, с кем дружил в последние годы своей жизни Бакланов, похоронили тело Бакланова на кладбище Новодевичьего монастыря, собрали между собою по подписке деньги и поставили на могиле памятник. На гранитной дикой скале, окруженной ядрами и цепями, наброшена сделанная из чугуна бурка, на ней лежит Баклановская мохнатая папаха и из под нее просунута пика с черным Баклановским значком. Спит вечным сном под этой скалой грозный «Боклю», покоритель Малой и Большой Чечни. Под знаком сделан веночек с надписью: «Войска Донского Яков Петрович Бакланов. Родился 1809 г. умер 1873 года». На каменной квадратной подставке под скалою выбиты названия тех мест, где более всего отличался Бакланов.

Имя генерала Бакланова было присвоено 17 Донскому казачьему полку, ему же был дан вместо обычного полкового сине-красного значка, черный «гробовой» значек Бакланова с надписью белыми буквами: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Полк носил низкие лохматые «Баклановские» папахи с черепом и костями из белого металла, а за спиною, по кавказски черные башлыки.

Станица Гугнинская была переименована в Баклановскую; широкий проспект, идущий мимо кадетского корпуса в Новочеркасские, был назван Баклановским. Зимой 1911—1912 годов прах Бакланова и памятник над ним были перевезены в Новочеркасск. Памятник поставлен на Соборной площади против памятника Ермаку.

Полуграмотный мальчик урядник в заурядном казачьем полку — это начало... Всем известный, украшенный орденами и звездами генерал-лейтенант — конец... Кто не знал в Петербурге начала семидесятых годов высокого генерала в «Николаевской» шинели и лохматой папахе, бодро шагающего по улицам? Бакланов!..

Лихо пела в те дни, возвращаясь с ученья, гвардейская пехота, познавшая Бакланова в дни усмирения Польского мятежа:

— Генерал-майор Бакланов,
Бакланов — генерал!..

Грозно ударит в барабаны, пробьет одно колено марша и опять:

— Генерал-майор Бакланов,
Бакланов — генерал!..

Его любили на Дону, его полюбили и в Русской армии. За храбрость? За умение стрелять, рубить, колоть пикой, за лихую, не знающую препятствий езду?

Таких было много. Этими качествами в ту пору обладал почти каждый казак. Их было многие тысячи. Бакланов был один.

Он не только сам научился военному делу, но он и других сумел научить. Он вошел в душу казака и познал душу горца. Он понял дух «малой войны». Он покорял горцев, а

потом и поляков не только силою оружия, но и силою своего несокрушимого духа, красотою подвига и милостивым, братским отношением к побежденному. Он никогда не «бил лежачего», но помогал встать. В этом он воспитывал и казаков. Он был жесток в бою, но каждый казак знал, что еще более жесток он к себе и каждый знал как его любит и щадит Бакланов. Он не плакал над убитыми — знал, по Платовски знал, что об убитых и раненых будет «домашний счет», но он всегда старался, чтобы победа была достигнута с малыми потерями. Под Карсом, когда у соседей были огромные потери и тысячи убитых — без успеха — Бакланов потерял всего 500 человек, взял сильное укрепление, 3 орудия и 14 турецких знамен.

Историк казачьих войск Абаза и военный историк кавказских войн Потто ходили к Якову Петровичу слушать о кавказской войне, читать его воспоминания и поучаться у него. Молодые академики генерального штаба учились у него военному делу. А где же, у кого он сам то учился? У станичной бабки Кудимовны; у пономаря, у дьячка. Он не стыдился своего прошлого в Гугнинской станице. Он скромно умалчивал о том, что все, что он знал, он добыл сам внимательным чтением и изучением всех мелочей военного дела.

Всегда и везде, на всех постах он был казаком, настоящим донцом, равным героям Тихого Дона.

История Дона не забыла его. Не забудут его и потомки — донские казаки. О нем с гордостью поминуют Линейцы. Его будут знать и помнить потому, что он в скупую героями вторую половину XIX века вписал в Донскую историю ее лучшие страницы.

П. Краснов.

(Продолжение следует.)

МЫ ВЕРНЕМСЯ

Мы ушли На наши степи
Красный коршун налетел
С тем, чтоб снова рабства цепи
На руки казак надел.

Хутора наши, станицы
Пожирает бог войны,
Погибают за отчину
Лучших казаков сыны.

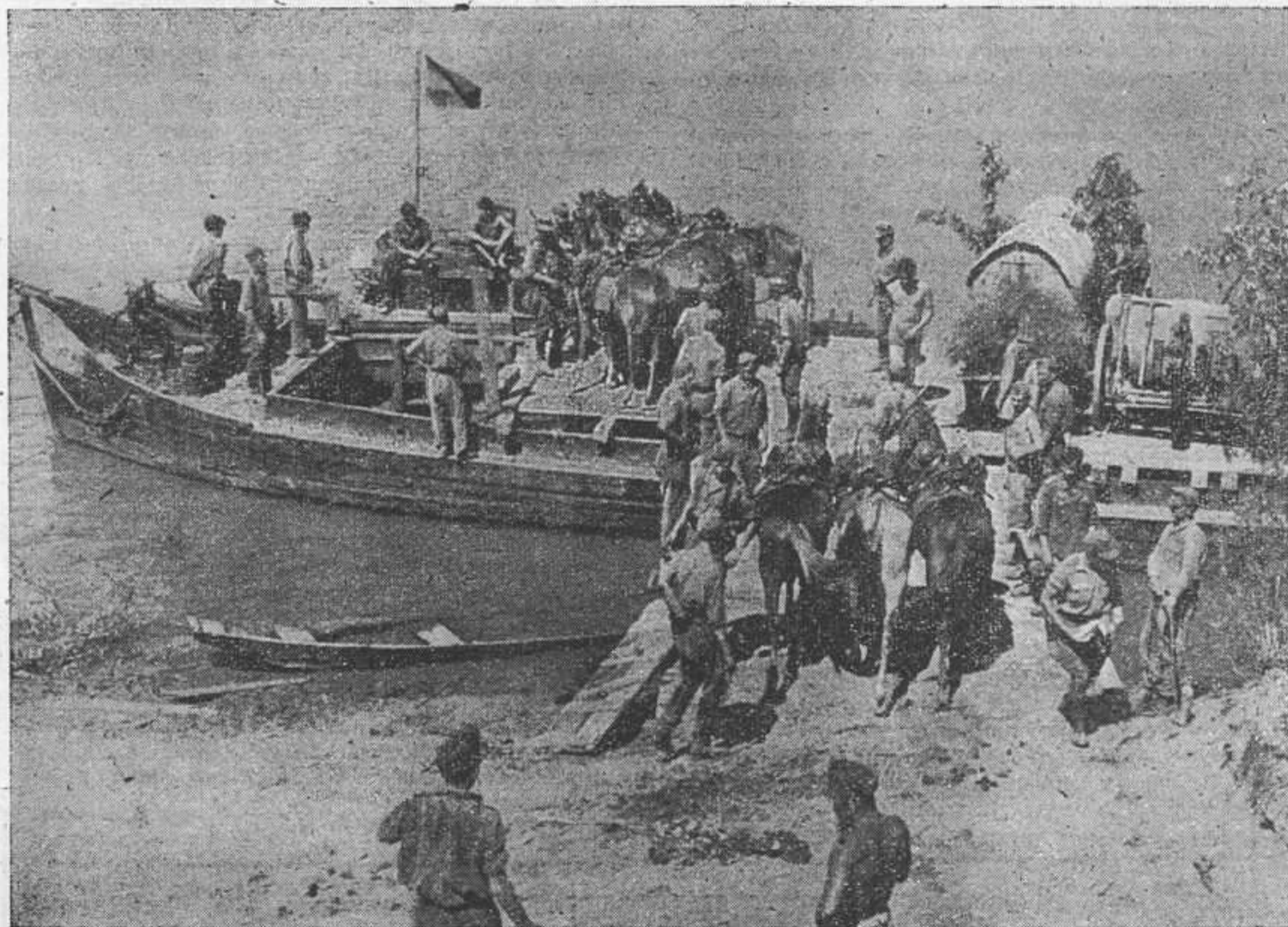
Мы ушли. Оставив дома
Матерей, отцов и жен,
С грустью вымолвив два слова:
«Мы... вернемся!» Путь тяжел.

Путь тяжел, но в сердце каждом
Глеет веры огонек,
Будет время, не на запад —
Мы вернемся на восток.

Не грусти, казак! Довольно!
Час придет и Тихий Дон,
И Кубань, и Терек вольный
Будет вновь освобожден.

И тогда, в родной станице,
Без ярма большевиков,
Полетит свободной птицей
Счастье вольных казаков.

Константин Мартынов.

Переправа через Саву
Казаки 1-й казачьей дивизии грузят на баржу обоз, орудия и лошадей

Донская весна

Темной весенней ночью, под Пасху 1918 года, в станицу Егорлыцкую вступили остатки Добровольческой армии генерала Корнилова. Измученные непрерывными боями и лишениями, израненные и больные возвратились первопоходники на Тихий Дон, который они покинули в памятную ночь 18 февраля 1918 г. Радужно встретили первых борцов против красной напасти зипунные рыцари донских степей. Для первопоходников начался кратковременный отдых и, вместе с тем, наступила известная духовная реакция, переоценка ценностей, которую генерал Деникин в своих «Очерках русской смуты» называет кризисом добровольчества. Среди старых и молодых офицеров разочарование было велико. Героический порыв первых дней существования Добровольческой армии сменился скептическим отношением к тогдашнему командующему, генералу Деникину и, особенно, к туманному будущему Добровольчества.

За малыми исключениями, все офицеры жаждали создания армии, которая соединила бы все лучшие черты и традиции старой Императорской армии и ввела бы в свой быт поправки, которые властно диктовала обстановка, созданная революцией. Этого в Добрармии не было, творчество ее вождей выявилось исключительно в форме талантливого тактического руководства. Партизанщина была противна большинству кадровых офицеров и развращала молодых. Мы, донцы, почти все ушли в свои родные части. В то время на Дону шла гигантская созидательная работа, одухотворенная талантом только что избранного Донского атамана генерала П. Н. Краснова.

Новый атаман увидел и почувствовал то, к чему стремились лучшее офицерство того незабываемого времени, и что было так насущно необходимо.

Первый приказ атамана, в котором каждому отделу управления войском была дана совершенно ясная, определенная и точно сформулированная задача, являвшийся как бы антитезой разлагательскому приказу № 1 Временного правительства, произвел на всех огромное впечатление.

— Вот это да. Вот это приказ как приказ. Теперь дело пойдет! — заговорили повсюду. На Дону началась кипучая работа всех, от мала до велика.

«Офицеры не имеют права думать о 8 часовом рабочем дне». Эта фраза приписывалась атаману и она вонстану воплощалась в дело. Одним из первых шагов атамана был роспуск донских партизанских отрядов, в которых казачья учащаяся молодежь калечилась физически и уродовалась морально. В своем приказе атаман призывал молодежь продолжать свое ученье, пренебрегая старшим всю тяжесть бранного подвига.

Старый Донской орел берег своих возлюбленных орлят. Дети должны были сесть за книги и готовить себя к будущему служению казачеству.

Вторым шагом П. Н. Краснова было подведение фундамента законности в создаваемой им Донской армии. Были изданы новые уставы, редактированные комиссией, составленной из генералов, офицеров и даже урядников. Помню как сейчас, с каким жадным любопытством схватился я за маленькую книжку устава внутренней службы Донской армии, издания 1918 года. Перечитал и перекрестился.

«Наконец то, слава Богу, дождались!» — подумал я. В уставе была упразднена должность младшего офицера, замененная должностью командира взвода, чем закончилось безответственное положение молодых офицеров, которым теперь открывался путь к творчеству воспитания и обучения казаков под руководством опытных командиров сотен. Вводились старшие офицеры, по иному и более жизненно регламентировались обязанности урядника. Так же жизненны были и другие уставы. Новый дисциплинарный устав усиливал законную дисциплинарную власть начальников и уничтожал самоуправство.

В то же время кипела работа по формированию частей и по организации учебной части Донской армии. Было восстановлено наше родное Новочеркасское военное училище, которое получило наименование Атаманского. Наконец то мы, старые воспитатели Донских орлов, увидели на своих юнкерах белые португези и пояса, присвоенные лишь юнкерам привилегированного Николаевского кавалерийского училища.

В программу училища впервые было введено изучение военной психологии. На Дону была создана школа для офицеров и уч. полк для урядников. Без всякого преувеличения можно сказать, что за первые три месяца управления Войском, атаман сделал больше преобразований и нововведений, чем военное министерство за время последнего царствования.

Блестящие результаты творческой работы атамана привели в восторг членов собравшегося Войскового Круга. Парад частей, вновь сформированных из молодых казаков, маневры и тактическая подготовка их, привели Круг в восхищение и изумление. Но сколько часов работал и когда отдыхал сам атаман, на это никто не мог дать ответа. Рано утром его уже видели на коне на учебном плацу в Хутунке, или у артиллерийских казарм. Днем доклады, отдача приказаний, распоряжений, деловые заседания, приемы посетителей и, к тому же, литературная работа.

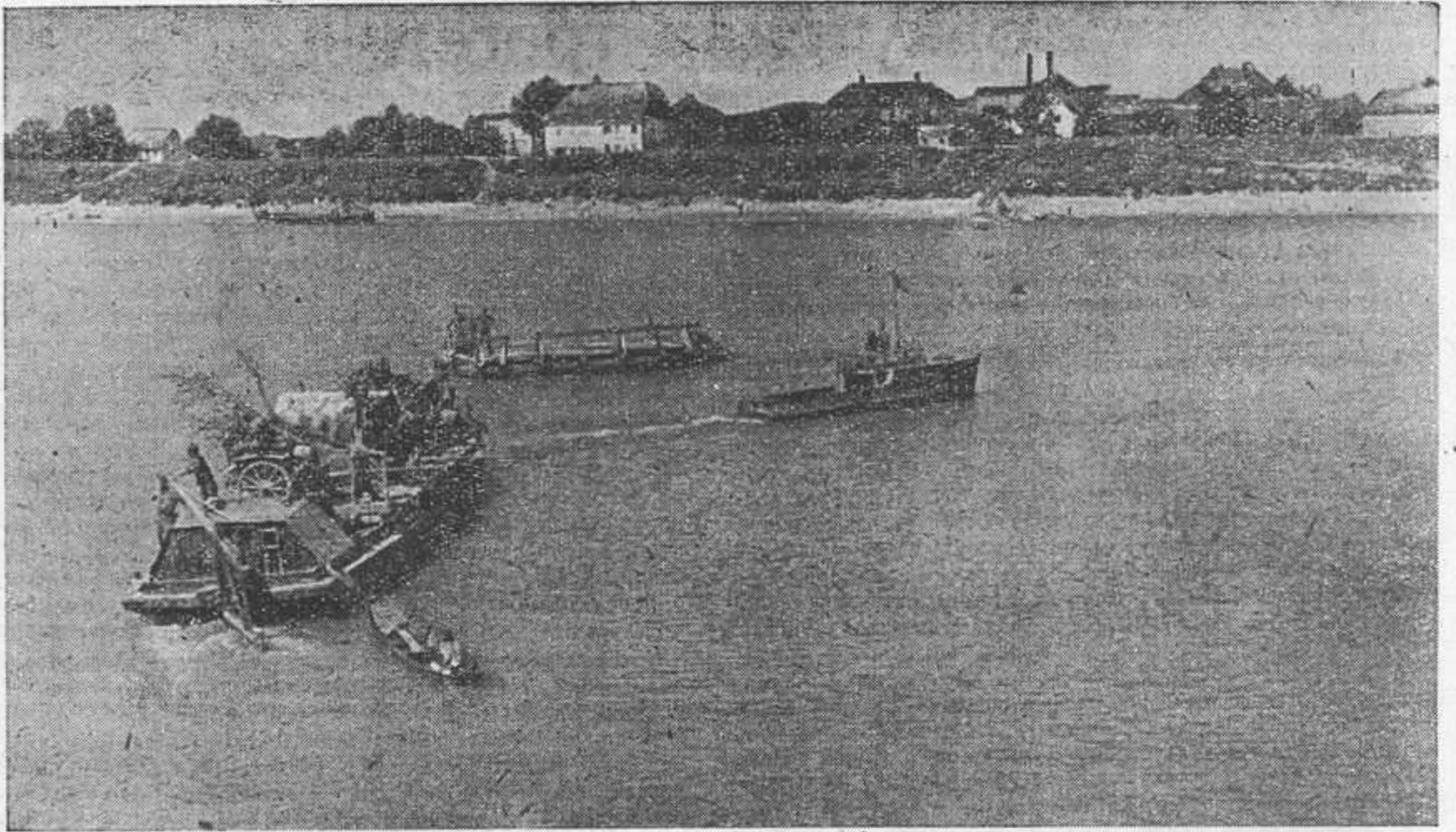
Часа в два ночи, а иногда и позже, я, проезжая мимо Атаманского дворца, неоднократно видел освещенные окна кабинета П. Н. Краснова, учившего нас всех примером, показом, а не рассказом. Точно, как рекомендовано уставом.

Донцы поняли тогда какую милость послал им Господь, послав им такого гиганта мысли и дела, каким являлся атаман Всевеликого Войска Донского, казак Каргинской станицы Петр Николаевич Краснов. Между собой его называли великим казаком. Тогда эпитет «великий» еще не был опошлен и изгажен, как теперь. Характерно, что «великим казаком» своего атамана стали называть именно простые казаки, в станицах, подразумевая под этим — большой, истинный, настоящий казак. От казаков это перешло к офицерам, особенно к молодежи, но здесь «великий» употреблялся в общепринятом литературном значении этого слова.

Весна на Дону 1918 года и вся последующая деятельность П. Н. Краснова, базировавшаяся на искреннем, дружественном и самом тесном сотрудничестве с Германской армией, была единственной светлой страницей на безотрадном фоне кровавых годов гражданской войны.

Б. Полозов.

С днем вашего войскового праздника поздравляют Вас, Казаки,
стоящие „На Казачьем Посту“!

Переправа через Саву частей Первой Казачьей Дивизии
Пароход взял на буксир груженную баржу и приближается к тому берегу

Переправа закончена благополучно и искусно замаскированное ветвями оружие, везомое четверкой добрых коней, одолевает горную дорогу

Воркутская трагедия

(Окончание.)

Прошло два месяца голодовки, наступал третий. Приближалась полярная зима и власть ночей. Ветры с Югорского шара несли снега. Потрубочные работы кончались. Уса обмелела, по ней шла толстым слоем шуга. Навигация прекратилась. Страна получила уголь. Воркута — партии заключенных, — речу, картофель, муку. 3-я часть и вольнонаемные получили сахар, масло, печенье, халву, консервированные фрукты и спирт. И еще приказ: убрать портреты Ягоды.

Я по прежнему работал кондуктором. В течение долгой зимы поезда должны были навозить горы угля на берег Усы для следующей навигации. Проезжая по железной дороге, навивающейся среди болот и торфяных залежей, как часто я представлял себе начало стройки этой дороги. В 33 году сюда впервые привезли заключенных. Казаки Кубани и Дона, хлеборобы Украины и Поволжья, хозяева, мастера земледелия, так недавно получившие от правительства золотые медали за образцовое их хозяйство, эти никем не отмеченные герои, выведшие страну из голода и разрухи в те страшные дни хаоса, наступившие после революции и гражданской войны — стали жертвой дьявольского эксперимента кровососа Сталина, укравшего у русских революционеров власть. По мнению Сталина, раскулачивание и всеобщая коллективизация должны были с одной стороны уничтожить частную собственность для проведения опыта выдуманного им социализма, с другой стороны дать даровую силу для осуществления строительства своеобразных хеопсовых пирамид, чтобы не забыли случайно ученые занести его имя на страницы истории. Сталина всегда и больше всего мучило будущее: как оценят его историки, что надо сделать, чтобы не глядя ни на что, не быть затертым другими светилами и хоть лихом, но заставить себя вспоминать; как лучше сформулировать мысль, чтобы она больше болталась на языках, чтобы чаще к ней прибегали как к афоризму. И вот его воровской взгляд плагиатора, обращенный к истории прошлого, натывается на Петра I. Так близкий ему запах крови и людского пота шевелит ноздри, водочный перегар, удары и стоны тревожат его злое сердце. Если бы он знал, что жил некогда Архимед и что он делал какие то открытия, Сталин бы тоже крикнул «Эврика!» так это было к месту, но он был необразован и самолюбив, как и все графоманы. Он доверялся и питался лишь тем, что приготавливалось в закулисной кухне института Маркса-Энгельса-Ленина для него и якобы от него. Его, так сказать, шеф-повар этого дела Шкирятов превосходил себя. Путь к бессмертию был найден. Надо было что-то строить и строить. Строить как можно больше, как можно дольше и тяжелей. Но без надежды на отдых даже и скотина не может жить. И Сталин нарисовал людям где-то в будущем несбыточный социализм. Маркс это оружие Сталина. Но это оружие обратилось против него. У Маркса есть так: история повторяется дважды, первый раз как трагедия, второй раз как фарс. Сталин разыграл фарс чудовищного уничтожения русской культуры, умертвления людей и их плоти, наполнив Россию стоном и зубным скрежетом. То, что удалось Петру Первому, не удалось Сталину. Он оторвал форму от содержания. Если взять всех граждан России, то каждый второй из них будет судимым, а кто либо из родственников каждого первого подвернется репрессиям. Тогда, в 33 году, люди, прибывшие на Воркуту были самыми крепкими и самыми предприимчивыми, всю жизнь свою знавшими только труд. Их выбросили на берег, дали инструмент и приказали строить.

70 километров до первых слоев угля, выходящих прямо на поверхность, надо было прокладывать по болоту, под которым шла вечная мерзлота. Жили в палатках. Два основных лозунга являлись стимулами к работе: «Кончишь строительство, будешь отпущен домой» и «Ведро воды заменяет сто грамм масла!». Вода была только болотная, от которой люди пухли, делаясь чрезвычайно слабыми. Эти первые Воркутяне привезли с собой по примеру Ноя каждой твари по паре: две собаки, две кошки и две вороны.

*) См. № 34 «На Казачьем Посту».

К концу строительства Воркутской Железной Дороги из 35.000 З. К. осталось 832 человека. Остальные умерли от цинги или голода. Таким образом на каждый километр падает 500 трупов; почти каждая шпала лежит на скелете. Привезенных собак и кошек пожрали, спаслись только вороны, своевременно улетев. О том, сколько им хватало мяса, говорить не приходится. За пять лет они размножились до полста и первые дни моей работы на железной дороге я с любопытством следил, как с точностью расписания курсирует эта стая ворон вдоль железнодорожного полотна от Усы на Воркуту и с Воркуты на Усу. В те дни 1937 г. железнодорожное хозяйство В. Ж. Д. было из рук вон плохо. И хотя по спецзаказу Г. У. Л. А. Га, Горьковский завод «Красное Сормово» приспособивал для полярных условий паровозы, — все же инжектора, качающие воду, замерзали, топки не могли дать нужной температуры, паровозы «простуживались», — трубы начинали течь, сальники без конца свистели. Под давлением холода рельсы лопались, платформы соскакивали, падая под откос, болтаясь за паровозом, как в игрушечном поезде.

Комнаты дежурных по станциям, где стоял телефон «зуммер», непрерывно гнусавивший, валялись бланки путевок и книги приема и отправки поездов помещались в тех же бараках, где лежали голодающие. В долгие остановки, когда машинист с проклятием, отмораживая пальцы возился с сальниками, я забегал к дежурным по станциям. Присев на корточки вокруг печки, мы закуривали и делились последними новостями. Отогревшись, я заглядывал к голодающим. В первые дни голодовки в помещениях, где они находились, стоял запах разложения. Люди лежали, закрыв глаза, а открыв их, воспаленным взором что-то искали. Первые дни были днями борьбы. Их брали на выдержку. В течение десяти дней их не тревожили, не пускали дальше порога. Приставленные к ним «санитары» из бытовиков прекрасно усвоили в 3-й части, где они были на инструктаже, «правила технико-медицинского ухода». Увесистые затрепанные мигом клали на место эксцентричных голодающих, которым уже на третий день голодовки стали мерещиться боченки с водой, колбы цветных эссенций в киосках с газированной водой, шипящий нарзан в сифонах и просто маленькие хрустальные ручейки, которых так много было вокруг их бараков. Навещал их врач, которому разрешалось пощупать пульс. Люди между собой не разговаривали, они знали друг друга многие годы и голодовку держать приходилось не впервые. Смерть не пугала. Это была борьба, в какой бы форме она ни выражалась. Кипнув их в тундру на каторжные работы, Сталин как бы подчеркивал: «Вот вы — мои враги... Вы уже были великими, когда я был червь. Вы не знали меня, Вы подготавливали революцию и мыслили так, а я пожал ваши труды и сделал иначе. Вы — ничто, а я теперь — все! Я вас не умерщвлял... Может быть, вы опомнитесь и восхвалите меня... Всю свою жизнь вы назовете ошибкой... Прав буду лишь я. И мои враги на западе замолчат. Но вы так медлите... видимо климат тихих изоляторов вам вреден...»

На разъезде «Чум» лежали два троцкиста, Жак и Табачников, которым я тихонько кидал окурки, пользуясь покровительством «санитара», с которым вместе сидел в изоляторе реки Косвы. Жак и Табачников по своим суждениям больше всех импонировали моим взглядам. Жак бывал в бегах из Суздальского Политизолятора, пытался пройти границу, но был задержан. Последние годы он пересматривал свою «платформу». Взгляд его чаще начинал обращаться к западу. Он хотел знать суть Нового порядка, в Европе. Адольф Гитлер становился его апостолом. Он заявил мне, что по существу не намерен был голодать, т. к. предполагал бежать, но солидарность с товарищами взяла верх. Жак, который в прошлом был секретарем одной из Московских парторганизаций, требовал вмешательства запада в Русский вопрос. Только война, по его мнению, могла вывести русский народ из физической и моральной каторги лже-социализма. Он же сообщил мне, что Седова с женой, Каплан, Коссиора и еще группу товарищей куда-то изолировали. На двенадцатый день с начала

объявления голодовки семнадцать человек умерло. В том числе и Жак. Врач, которому разрешалось только ощупывать пульс, брался за голову. Ещё сто человек находилось при смерти. Из трех тысяч никто не снял голодовки.

Начальник лагеря Мороз прислал из Чибью радиограмму: начать насильственное питание. Москва требовала от него тщательной изоляции голодающих и сохранения в тайне «этого вопроса».

Воркута имела пятилетний неприкосновенный запас продуктов на случай неоткрытия навигации, что имело место на Усе, когда лед, не тронувшись, простоял до следующей зимы, а все лето падал мокрый снег и стояли туманы. Во всяком случае отдаленные населенные пункты должны иметь запасы.

В складах «Н. З.» стояли тонны яичного порошка, белой муки, сахара, тысячи банок сгущенного молока, консервированные овощи, бочки томата и моченых яблок. Четыре года лежал этот запас, все пополнялось. И хотя были зимы, когда 30% З. К. вымирало от голода, его не трогали, увеличивались только порции елового раствора, не выпив которого З. К. не получал пайка.

В эту навигацию, что прошла, стране много надо было угля и она сердилась на медлительность Воркутских шахт. Может быть поэтому она и не дала достаточно продуктов. Зима не предвещала хорошего, заключенные пронутили.

С разрешения ли Москвы или сам, начальник лагеря отдал приказ пустить Воркутский «Н. З.» голодающим. Яичный порошок, молоко, фрукты пошли в ход. Три раза в день вливали в глотки трем тысячам эти экстракты. Когда же через месяц пришел приказ «усилить питание до максимума», санитары окончательно распроясались. Помимо голодающих продукты пошли на сторону. Под сахар и консервы играли в карты, мука менялась на спирт у вольнонаемных. И произошла удивительная вещь: на месте умирающих с голода лежали откормленные туши с отвисшими подбородками, розовыми щеками. И только не хватало движений, от отсутствия которых люди страдали. «Санитары» по-прежнему не давали им шевелиться, за исключением отправления естественных потребностей, при любом удобном и неудобном случае пуская в ход затрепанные. Сами же «санитары» настолько преобразились, что могли только боком пролезать в двери, в которые раньше свободно проскакивали.

Мне кажется, от такой «голодовки», принимая во внимание насильственное питание, голодающие страдали еще больше: полные сил, они обречены были на неподвижность в течение многих дней. По-прежнему кормить их приходилось насильно. Но так как они окрепли и справиться с ними было трудней их привязали к нарам, на которых они лежали. К ужасу моему, мне самому пришлось развозить по разъездам платформу веревок для этой цели.

В течение трех месяцев Воркутский продуктовый «Н. З.» был съеден. К началу четвертого месяца Москва внезапно радировала об удовлетворении требований голодающих. Голодовка была снята. Сменивший Ягуду Ежов, казалось, шел на уступки.

Снявших голодовку предупредили, что для облегчения удовлетворения требований их направят в Обдорск на Оби, что за перевалом Уральского Кряжа. Это в действительности было возможно, ибо от Воркуты горы находились в шестидесяти километрах, а через перевал до Обдорска было не более трехсот. Для этой цели все должны были пройти медицинскую комиссию для определения, кто в состоянии был двигаться, а кого следовало разместить по нарам оленьих упряжек. Новое теплое обмундирование на глазах у всех в действительности на открытых платформах было доставлено на кирпичный завод, где предполагалась комиссия. Все обстояло удовлетворительно. Обмана не могло быть.

Прибывший из Москвы спецконвой, долженствующий сопровождать этап, состоял из сорока одетых в полярные костюмы чекистов. Из Чибью они примчались на оленьих упряжках, видимо преувеличивши роль спирта на севере и, разгоряченные, сейчас же ухватились за дело. Оказывается, они же представляли из себя и медкомиссию, которая должна была определить физическое состояние этапников. Они чуждались всех, даже своих собратьев лагерных чекистов, которые, надо сказать, почему-то побаивались вновь прибывших.

Между тем снега заносили пути, сотни людей круглосуточно расчищали их. Пурга непрерывно наметала снег, его непре-

рывно пытались очистить, вокруг полотна росли барьеры; образовывался снеговой коридор, местами снег делал туннели, внутри которых двигались поезда. Наши составы сутками простояли на разъездах.

Расстояние в семьдесят километров в 5—6 дней, но все же уголь перевозили, тянули назад порожняк.

Спустя три дня после прибытия московских чекистов, я задержался на разъезде «Кирпичный завод». Живший там постоянно в качестве Г. С. П. таганрожец Паша Голубенко таинственно сообщил мне новости: одно из помещений Кир. Завода странным образом оборудовалось. Четыре его комнаты, отделенные друг от друга коридорчиками, обивались войлоком и одеялами, начиная от потолка и стен, кончая окнами, заделываемыми подушками. В особенности крайняя комната бросалась в глаза. Доставленные в секретном порядке на Кир. Завод матрацы, одеяло и подушки нашли здесь свое особое применение. В отличие от других комнат здесь первое место на потолке и стенах, на полу, заняли матрацы. Затем их обложили подушками и обтянули одеялами. Двери обмотали и окутали так, словно они должны были выходить прямо на холод. Звуки терялись в этих помещениях, даже гром впитался бы в одеяло и матрац, как влага в губку.

Паша принадлежал к числу тех бытовиков, которые, ничего не имея общего с рецидивом, лишь в силу советской действительности, побуждаемые голодом, шли на преступления. Паша Голубенко сорвал с колхозного поля кочан кукурузы. Зная о голоде, Сталин умышленно создал закон о «социалистической собственности». Ему всегда требовалась даровая сила. Он не мог жить, не причиняя горя. Плач русских необходим был ему, как воздух. Паша получил десять лет по закону от 7/8, имея от роду восемнадцать лет. От него чекисты не могли скрыть всего происходящего, как от начальника этого маленького разъезда. От него потребовали подписку о неразглашении. Но общая ненависть к существующему порядку слишком тесно связывала нас всех. Паша гордился дружбой с политическими. Через неделю, вернувшись с поездки, я получил другое сообщение, предотвратившее мою смерть. Рассыльный 3-й части «майдащик», что значит спец по кражам в пассажирских вагонах, по кличке «блямба», законченный кокаинист, завербованный нашей группой дозы кокаина, который я доставал для него у главврача Сангородка, бывшего работника Кремлевского Сан-Управления, сообщал: 3-я часть подготавливала дополнительный список к Обдорскому Этапу. В списке значилась моя фамилия.

Блямба клялся, что все будут расстреляны, что Ежов уже дал санкцию, что он, Блямба, как работник НКВД, хотя и приветствует Ежовские начинания, но очень взволнован, а успокоиться может лишь под кокаином. Немедленно я развел 50% раствор соли и выпил две кружки. Пятнадцать минут, и температура поднялась на 39,5. Начались рвоты. Легком выписал направление, меня доставили в сангородок.

С благодарностью я обращаюсь сейчас к тем людям, которые помогли мне в те тяжелые дни. Может быть, кто из них, вырвавшись из Сталинского концлагеря, жив сейчас и находится в освобожденных от большевиков местностях. А вы, оставшиеся там, мои далекие друзья, вечные рабы и труженики, святой памятью о вас я живу все дни. Близок час, кончатся ваши страдания.

В тот же день меня искали по всей Усе для присоединения к этапу и для прохождения медкомиссии. Черно-Иванов явился в сангородок. 3-я часть требовала выявления причин, вызвавших мое заболевание. Отравление хлористым натрием не могло дать, конечно, эффекта на длительность. Я согласился на прививку тифа.

Нет, лучше было умереть от чего угодно, но не от пули моих врагов. С ужасом отшатнулся явившийся за мной конвой при слове «тиф». Убийцы боялись смерти. Обгираясь в приемной спиртом и пуская его во внутрь, они требовали все новых и новых уверений, что не заражены. Чекисты, однако, не без сожаленья расстался со мной.

А я бредил озерами тундры, бесконечно ползал, утопая в болотах и задыхался от солнца, которое не хотело зайти и немилосердно жгло мою голову. Одеяло, матрацы, подушки, как я ни старался скрыться от них, окружали меня, зловеще увеличиваясь и наступая.

А на Кир. Заводе разыгрывалась трагедия, сочиненная Кремлевским гением, разыгрываемая его жертвами при участии

ПКВД. ... Полярные ночи тревожны. Пылает северное сияние, свистят горностаи, лают лисичи. В эти часы ночь решила дополнить световыми эффектами эту северную трагедию. Более трех тысяч людей загнанных в баз, огороженный проволокой перед входом в Кирпичный Завод, непрерывно двигались, согреваясь и оживлено переговариваясь. Темой служил Обдорек, где их ожидала, по их мнению, другая жизнь.

Собственно комиссия проходила быстро. Люди пропускались в зону завода партиями человек по тридцать.

И вдруг к северу, где мерцала полярная звезда, устремился огненный луч и исчез и, вновь пронзил небо. И словно это было сигналом со всех сторон горизонта — огненные стрелы понеслись к полярной звезде. Люди замерли, подняв головы. Было тихо так, что звенело в ушах. Снега тундры искрились холодно и злоеце. И вот, там, где были огненные лучи, родилось розовое пятно, затем вспыхнуло факелом, словно огненные лучи высекли его о звезду. Пламя ширилось, обнимая небо, и вдруг взорвалось всеми цветами радуги. На обмелевшую тундру посыпались красные, розовые, желтые лепестки сказочного цветка, колыхавшегося теперь по всему небесному куполу.

Ужас объел людские сердца. Где то на кирзаводе завывли овчарки.

А люди, пропускавшиеся на комиссию, по одиночке заходили в первую комнату, где им предлагали раздеться и взять вещи в руки. Горели свечи, было тепло. Мужчина в белом халате внимательно глядел на язык, выслушивал сердце, спра-

шивал: на что жалуетесь, затем говорил: пройдите к невропатологу. Санитар, улыбаясь, открывал двери, проходили коридор. Невропатолог предупредительно брал в руки вещи и заявлял: прошу в кабинет. Вновь коридор, затемненная комната, где входящего брали за шею, чуть нагибали и стреляли в затылок. Четверо санитаров, крепко подвыпивших, чередуясь после каждых десяти трупов, выносили их на мороз и складывали, как дрова.

В течение двух суток движение поездов было приостановлено. Трупы были вывезены через полотно в тундру, там их свалили на ящики аммонала и подорвали.

Москвичи выехали, отобрав для себя нужные вещи разстрелянных.

Я выздоровел. Носились слухи о перегибах Ежова, шептали о предстоящих массовых освобождениях. На видных местах были выставлены ящики, облепленные печатями и замками, в которые должны были опускаться жалобы на имя самого Сталина. Но никто не подходил к ним.

К удивлению, я был допущен к прежней работе. Меня не трогали. Проезжая разъезд «Кир-Завод» я с трепетом глядел в ту сторону, куда под страхом расстрела запрещено было подходить.

Только вороны изменили свой постоянный маршрут. Усть-Уса-Вокрута, обосновались там, ожирели и, видимо, лишь они одни были довольны и благодарны наркому Ежову.

Л. Агронов

Богатырская сказка-быль

О казачьем витязе-сибиряке атамане Лавре Корнилове и о земле крещёной

Продолжение*)

Ноне праздничный ведь день
Девён за грибами
В лес с кошёлками идут
Криком оглашая:
«Уу!, ауу!.. Настааась! Ахчи!
Эко простудилась —
Давечь в речке продрогла...
Или так случилось...»
А на крик в ответ вдали
Эхом отдаётся
Ванькин голос, что как бес
Хохотом смеётся...
Он в наряде уж давно
Поджидал момента,
Прилететь стрелой на зов
С купленным презентом,
Зайца из под ног спугнув
И залав гончей,
В рог охотничий трубит
Как заправский ловчий.
Эво-девкц! — Он уж тут
Давечь прича была
Как Дуняшку подцепил,
Что его корила:
— «Ишь, скаженный, прилетел...
В гости зазываешь,
А пред миром — на людях
С туркою равняешь.

Я тебя-бы в «македон»*)
Самого скупала...
Рожу-б вытер от пудрей,
Чтоб с ней не стекало...
Ишь, измазал мой наряд...
Мамка... станет злиться...
Не пойду с тобой на Луг —
Дай хоть отмориться...»
— «Ну, Дуняшка, не серчай
Вишь, за сердце взяло
На народе что меня
Лешим обозвала.
И чево она в сердцах?...
Батя тоже с пеной
Обещался перед Свят
Обогреть поленой.
В толк себе то не возьму
И не дам я ладу
За меня коль не дадут,
Всё равно украду.
То в первой те говорю...
Дай лишь сговориться.
Где и как нам-пред попом
Под венец скатиться.
Дьяк согласье дал молчать
И попу на ухо
Причу нашу рассказать
Хоть был под сивухой.

Слово дал и могорыч
С ним уже попили
У старухи в Соловьях
Где пред святок были...
Ну и шельма этот дьяк,
Долго с ним я бился
Да, вишь, бабка подмогла
И пред ней смирился.
Примечаю, что и он
Дело к ней имеет —
Свиньи дохнут у него
Или враз хudeют
И дьячиха в третий раз
— Двойни всё рождает,
Видно боязно в четвёрт
К ней и удваряет...»
И усевшись рядком,
Рожки поправляя,
С бородой к губам прильнул,
Шапки не снимая.
А-политику в уме
Про себя слагает —
«Коль подсуну ей жука
Зараз обругает.
С ним сегодня погожу,
Хоть и не терпится
Лучше серги... иль, баш, стой!?
— Нечего скупиться!..»
И за пазуху суёт
Расписной платочек —

*) См. ММ 33 и 34 «На Каз. Посту» *) Был такой крем для лица.

Красный, точно мак горит,
 Свёрнутый в комочек...
 Вдруг ударил гром с небес,
 Хоть грозы не снилось:
 Чей-то голос донесло —
 Бури б не случилось!?

Леший мигом тут смекнул,
 Завидев старушку,
 Оседлав метлу, исчез,
 Стуча в колотушку.
 За другими уж вдогон
 Он галопом скачет
 И мяукает котом
 И совою плачет...
 Дуня чует голоса
 Неужель-то снилось?..
 Держит Ванькина рука
 Там, где сердце билось.
 А его-то самого
 Будто-бы не видно
 Всю как жаром обдало
 И стало вдруг стыдно.

— «Фу — ты, леший, отцепись!
 Руки прочь! — Вот... чудо???»
 — Ветка держит и щепит
 За груди... с пол пуда.
 — «Вот, попутал бес лесной,
 А грибы-то где-то?..»
 Пролетит вот так весна
 И настанет лето.
 За малиной вновь идут
 А потом морошкой,
 А с черникой кисели
 Все хлебают ложкой.
 Зрелых ягод сколько хощь,
 Хоть черпай граблями

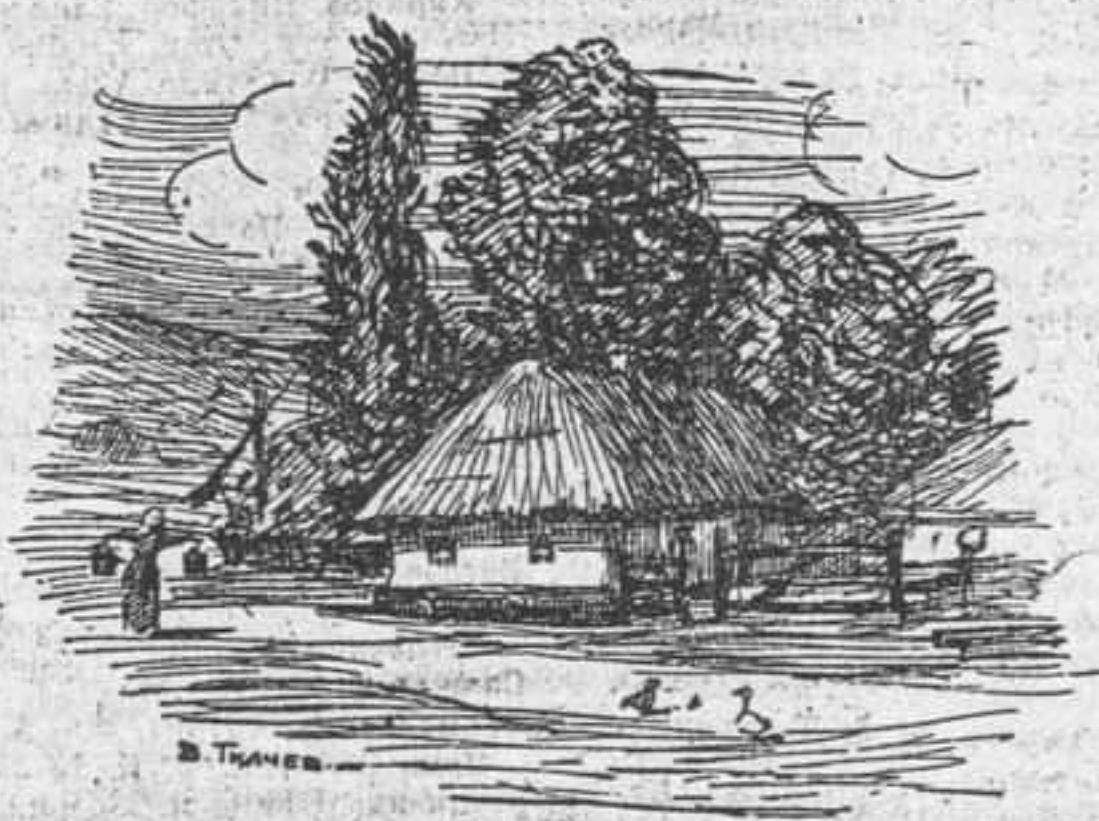
И к французикам везут
 Клюкву кораблями...
 Вот рябина подошла,
 Облепила спеет
 И меж веток глухари
 О тетеремах нестроят.
 Красота в лесу и тишь
 Даже в сильный ветер
 Ну, а жизнь-то все-ж в нём есть —
 Всяк из вас приметил.
 И чем глубже, то чудней
 Божья палата: —
 Ель — уперлась в небеса,
 Сосны — в три обхвата.
 И под тяжестью веков,
 Будто сном объаты,
 Дремлют мачты кораблей,
 Что с корней не взяты...
 Здесь «Топтыгину» лафа —
 — Что боярин в шубе
 Ходит важный, не спеша
 Он походкой грузной.
 Женка деток стережёт
 Ну, а сам в проходку
 Не торопится итти
 Как хохол за стопкой*.)
 Отойдёт шагов с пяток
 Станет и смекает
 Как — иттить ему иль нет?
 А нутро-то «тянет»
 На медок иль на мышву,
 Что ему случилось
 Как-то видеть «на лету»
 Или чаще... снилось.
 У него-то нюх большой

*) мера вина (водки).

И охоты пропасть
 Да, вишь, путаться с пчелой
 Пробирает робость.
 С нею чистая беда,
 Разыскать не трудно,
 Только больно очень зля
 И зудит-то нудно.
 А с мышвою занятно —
 Хоть мелка рыбинка
 И шустра на поворот,
 Но зато малинка —
 Точно ягодка-конфekt,
 Что сосёшь и тает
 Как из мёда леденец
 Что ребят прельщает.
 Дичь прелестная жирна,
 Можно есть без смальца,
 Кость дробна и не черства,
 Хоть мясца с два пальца.
 И Топтыгин, занятой
 Мысленной охотой,
 Под собой шуршит листвою
 С явственной заботой.
 — «И хитра-же Божья тварь —
 Точно вьюн тот вьётся.
 Хвост торчит, а вот сама
 В лапы не даётся...
 Мишка топчется кругом.
 На две лапы станет
 И как будто хоровод
 За собою тянет.
 А потом давай плясать —
 Час, другой резвится...
 Толку нет и без харчей
 Грустный спать ложится».

(Продолжение следует)

Есаул Вениамин Пончѳвный

РОЗЫСКИ

СПИСОК № 17:

Гусев Никифор Иванович, фальдпост № 57917, разыскивает казака **Гаманова Георгия Акимовича**, Терской обл., станицы Корбулатской.

Казаки Романов Венедикт, фельдпост № 30391, разыскивает сыновей: **Ивана** (рожд. 1916 г.), **Афанасия** (рожд. 1908 г.), **Василия** (рожд. 1910 г.), **Владимира** (рожд. 1916 г.) и **Сергея** (рожд. 1920 г.); братьев: **Тихона** (рожд. 1891 г.), **Григория** (рожд. 1891 г.), **Андрея** (рожд. 1905 г.); племянников: **Романовых Федора Тихоновича** (рожд. 1910 г.), **Ивана Григорьевича** (рожд. 1918 г.) и **Гугцева Дмитрия Денисовича** (рожд. 1912 г.); двоюродных братьев: **Гуреевых Калининника**, **Афанасия** и **Ивана Дмитриевичей**, **Кононовых — Артема**, **Тихона**, **Федора Слепановичей** и проч. родственников. **Казаки Воманов В. Н.**, Усть-Белокалитвенской станицы из хутора **Свинарева**, проживавший в станице **Каменской**, служил в Управлении Окружного Атамана Донского округа.

Трощенко Константин, фальдпост № 59624, просит отозваться казака **Ловашева Николая Петровича** и станичников из **Велюринской станицы**.

Казаки Крохман Павел, фельдпост № 58858, просит отозваться **Колмичека Ивана Федоровича**, **Филатова Федора** (прибыли из Запаса полка 18/7.) и казаков **Цопкало Алексея** (Терск полка), **Мазуту Ивана**.

Роговик Иван Антонович, фельдпост № 59624 Д, разыски-

вает уроженца станицы **Кореновской** **Скирда Клина Ивановича**.

просит откликнуться казака станицы **Есауловской**, **Карачеева Ивана** и сообщить свой фельдпост станичному атаману **Алферову Василию**, село **Тамашевац** (Банат).

Данцов Тимофей, станицы **Малодельной**, **Усть-Медведицкого округа**, разыскивает станичников; адрес: село **Томашевац** (Банат)

Атаман Есауловской станицы, **Василий Алферов**, разыскивает станичников. Адрес: село **Томашевац** (Банат).

Казаки Садиковы разыскивают родственников (село **Томашевац** Банат).

Казаки Верхне-Кундрючевской станицы, **Агафоновы**, разыскивают родственников. **Бедград**, улица **Кралица Наталия** 35, **М. Барсова**.

Лица, разыскивавших родных и станичников: **Раскоркина М. Е.** (Франция), **Никитина Павла Ивановича** (Париж), **Петрусенко Пантелея Павловича** (Франция), **Харитова Михаила Тимофеевича** (Париж), **Пухлякову Веру Владимировну** (Париж), **Королева Филиппа Васильевича** и **Глазунова Евгения Васильевича**, стан. **Клецкая**, **Дон. обл.** — просьба откликнуться и написать в Отд. «Зухакцион», фальдпост № 56400.

Казаки Васенко Петр Григорьевич, фельдпост № 57361 Б, просит откликнуться зятя, **Яценко Григория Григорьевича**, станицы **Новоминской**, **Кубанской обл.**

По этому списку просит откликнуться в адрес: «Zuchakzion» **Ф. Р. № 56400.**

Скубков Моисей Федорович, Ф. П. № 04508 — тестя **Юркова Василия Григорьевича**, уроженца ст. **Манычской**, хут. **Тузуков** (Дон), эмигрировавшего в 1920 году.

Суслов Николай Кузьмич, Ф. П. № 04508 — отца **Суслова Кузьму Васильевича**, сестру **Суслову Зину Кузьминичну** и дядю **Суслова Ивана Васильевича**, эвакуированных из хутора **Эрестова**, Терской обл. в январе 1943 года.

Крутько Степан Иванович, Ф. П. № 04508 — жену **Крутько Соломню Афанасьевну** с семьей: дочь **Нина** — 20 лет, **Елена** — 16 лет, **Мария** — 5 лет, **Вера** — 4 лет и сын **Михаил** — лет, эвакуированных из ст. **Курчанской** (Кубань).

Дьяченко Федор Иванович, Ф. П. № 59624-Д — брата **Дьяченко Алексея Ивановича** и **Ббидаренко Григория Михайловича**, уроженцев ст. **Марьянской** (Кубань), среди военнопленных и воинских казачьих частей.

Гладилин Алексей Александрович, Ф. П. № 48660-В — дядю **Гладилина Андрея Носифовича** уроженца ст. **Екатериноградской** (Терек), эмигрировавшего за границу в 1920 г. Последнее местожительство в г. **Париже** (Франция).

Сапунов Яков Ефимович, Ф. П. № 04508 — сына **Сапунова Михаила Яковлевича**, рожд. 1923 года, среди военнопленных и казачьих частей. Последние сведения имел от него из лагеря военнопленных в **Славуте**.

Абазьев Леонид Федорович, Ф. П. № 11660-С — сестер **Корнилову Александру**, **Зинovieвну**, рожд. 1921 г., и **Зубову Любовь Ефимовну**, рожд. 1920 г., из **Куйбышевской обл.**, выехавших на работу в **Германию** из ст. **Калининна** и **Мариполя**.

Стещенко Яков Александрович, Ф. П. № 04508 — жену **Феклу Иосифовну**, сына **Александра Яковлевича**, рожд. 1926 года, **Ивана Яковлевича**, рожд. 1927 г., мать **Анисию Захаровну** и зятя **Дудка Назара Петровича** с женой **Евдокией Александровной**, уроженцев ст. **Курчанской** (Кубань).

Усачев Иван Феодосиевич, Ф. П. № 04508 — братьев **Григория Феодосиевича Усачева** и **Никифора Антоновича Усачева**, уроженцев ст. **Гундоровской** (Дон), эмигрировавших за границу в 1920 году, племянников **Рытикова Ивана Степановича** и **Усачеву Антонину Серафимовну**, уроженцев ст. **Гундоровской**, выехавших на работу в **Германию**.

Кочергин Иван Александрович, Ф. П. № 04508 — брата **Астахова Василия Николаевича**, уроженца хут. **Демкина**, ст. **Нижнечирской** (Дон), эвакуированного в январе 1943 г.

Ендовицкий Иван Михайлович, Ф. П. № 04508 — отца **Ендовицкого Михаила Савельевича**, из ст. **Суцженской** (Терек), среди военнопленных.

Кушнарченко Вас. Никол., ст. **Анастасьевской** (Кубань), Ф. П. № 40713-В — **Андр. Ник. Кушнарченко**, **Луку Ал. Кушнарченко**, **Ник. Як. Щебрака** и **Ив. Евстр. Кардаша**.

Дежин Ник. Ив., ст. **Луганской** (Дон) Ф. П. № 17084-Ф. — отца и братьев.

Баев Вас. Филиппович, ст. **Передовой** (Кубань), ф. П. № 17031 — брата **Владимира** и **Ив. Фед. Величко**, той же станицы.

Широкий Степан Фед., ст. **Елизаветинской** (Кубань), Ф. П. № 59509 — брата **Герасима** и **Алексея Шелеста**.

Иващенко Лазарь, Ф. П. № 58979 просит отозваться знакомых.

Кузьминов Александр Михайлович, Ф. П. № 11660-В — отца.

Траценков Филипп Андреевич, Ф. П. № 58254-Д — **Абрама**, **Ивана**, **Александра** и **Николая Траценковы** и **Ивана** и **Федора Кореневых**.

Щербанов Герасим, Ф. П. № 56188-Д — родственников.

Хорунжий Саенко Сергей Лаврентьевич, Ф. П. № 14258 — казаков ст. **Старо-Мышаатовской** (Кубань).

Горючев Демьян, Ф. П. № 48660-Д — **Ив. Ал. Водопьянова** и **Ив. Ив. Папченко**.

Евтерев Ник. Лаз., Ф. П. № 15542-С — родных и знакомых.

Скубка Петр Власович, ст. **Ольгинской** (Кубань) — Ф. П. № 15542-С — родных и знакомых.

Поповичев Вас. Яковл., ст. **Воронежской** (Кубань) Ф. П. № 56361-Е. — брата **Ивана** и станичников.

Кузьмичев Александр Антонович Ф. П. № 56400-Конвой разыскивает братьев **Григория** (1914), **Константина** (1900) и **Василия** (1912 г.) из стн. **Константиновская**, (Дон).

Хирянов Никифор Васильевич, Ф. П. № 59996 — брата **Петра** из стн. **Стар. Изобильная**.

Ломов Владимир Алекс. Ф. П. № 59996 — сына **Василия**, стн. **Н. Марьянской** и **Седина Георгия Степановича** стн. **Рождественск**.

Вареников Александр Романович Ф. П. № 59996 — брата **Вареникова Полекар. Ник.** стн. **ГнГигинской** и **Унтерского Стефан Стефановича**.

Миркулов Ефим Иванович Ф. П. № 59996 — братьев **Андрея Ивановича Миркулов** и **Василия Алексеевича Дышура** из стн. **Бакнской**.

Штв. Вхм. Березуев Василий, Ф. П. № 58858 — брата **Березуева Якова Андреевича**, стн. **Усть-Джегутинской**, **Кубань**.

Есипенко Иван Иванович, Ф. П. № 56066 — **Чумана Ефима Петровича**, **Миронинка Акакия Моисеевича** и станичников со стн. **Анастасьевской**, **Хут. Хоньков**, **Кубань**.

Шалочкин Владимир Николаевич, Ф. П. № 57875д. — **Саприкина Семена Михайловича**, стн. **Кастранской**, **Куб. обл.**

Самойленко Антона, стн. **Карабулакской**, **Терск. обл.**

Ивин Алексей, Ф. П. № 59998 — **Сафронова Григория**, **Герасименко Ефима** и **Заборина Иван Федоровича**.

Смелин Иван, Ф. П. № 57361 — **Васильева Ивана Тимофеевича** и **Прохаченко Александра** из с. **Батайск**, **Дон.**, по просьбе их родственника **Беседина Льва**.